

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.644-653>
EDN: LQJHZT

УДК 94(3)

РАССКАЗ РЕМЕЗОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ
«О ДРЕВНЕМ ПРОРОЧЕСТВЕ» В КОНТЕКСТЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ РУССКИХ КНИЖНИКОВ

Д.А. Ляпин

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
lyapin-denis@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: показать историческое обоснование присоединения Сибири к России в рассказе Ремезовской летописи «О древнем пророчестве», связанном как с традиционным мотивом отмщения за нарушение границ татарами, так и с принципиально новыми рассуждениями, отвечающими исторической ситуации конца XVII в.

Материалы исследования: сибирские летописи: Есиповская летопись, Строгановская летопись, Ремезовская летопись. Главное место занимает рассказ Ремезовской летописи о «Древнем пророчестве».

Результаты и научная новизна: Завоевание Россией Сибири в XVII в. имело, прежде всего, экономические основания, но русские летописцы искали иные, более возвышенные причины происходящего. Первые сибирские хроники полагали, что причинами русских успехов было Божественное провидение, а вторжение Ермака оправдывали необходимостью распространения православия. Эти средневековые схемы плохо объясняли причины новых завоеваний обширных сибирских территорий, и книжники со временем стали избегать данной тематики. Только Ремезовская летопись содержала новый взгляд на русское покорение Сибирского ханства и находящихся за ним территорий. Наряду с отсылками к идее Божественного провидения и традиционного для древнерусской литературы мотива отмщения татарам, автор летописи выдвинул оригинальную идею необходимости завоевания Сибири для предотвращения очередного вторжения кочевых племен на Русь.

Ключевые слова: сибирское летописание, Ремезовская летопись, Сибирь, Ермак, Кучум, монголо-татарское нашествие

Для цитирования: Ляпин Д.А. Рассказ Ремезовской летописи «О древнем пророчестве» в контексте идеологических построений русских книжников // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 644–653. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.644-653> EDN: LQJHZT

© Ляпин Д.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE REMEZOV CHRONICLE'S STORY
“ON THE ANCIENT PROPHECY” IN THE CONTEXT
OF THE IDEOLOGICAL CONSTRUCTIONS OF RUSSIAN SCRIBES

D.A. Lyapin

*Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
lyapin-denis@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the study: To demonstrate the ideological justification for the annexation of Siberia to Russia in the story of the Remezov Chronicle, “On the Ancient Prophecy”, associated both with the traditional motive of revenge for violation of borders by the Tatars, and with fundamentally new reasoning that corresponds to the historical situation of the late 17th century.

Research materials: Siberian chronicles of the 17th century: Esipov Chronicle, Stroganov Chronicle, Remezov Chronicle. The main place is occupied by the story found in the Remezov Chronicle about the “Ancient prophecy”.

Results and novelty of the research: Russia's advance into Siberia in the 17th century had pragmatic economic grounds, but the Siberian chronicles were obliged to have shown other, more sublime reasons. The first Siberian chronicles believed that the reasons for Russian successes were Divine Providence, and the invasion of military detachments was associated with the need to conduct missionary work. But only the Remezov Chronicle of the late 17th century first offered the reader logical reasons for the need to conquer the vast, rich lands of Siberia. Without denying the factor of Divine agency, there was a traditional motive of revenge on the Tatars for violating sacred borders during the invasion of the 13th century. The Russians took revenge for the Tatar yoke. This idea of sacred boundaries is very early for Russian literature. The destruction of the Siberian kingdom of Kuchum by the Cossacks was a logical aim in Moscow's fight against the Horde. The original idea was mainly framed as the need to conquer Siberia to prevent a new Mongol-Tatar invasion.

Keywords: Siberian chronicle, Remezov chronicle, Siberia, Ermak, Kuchum, Mongol-Tatar invasion

For citation: Lyapin D.A. The Remezov chronicle's story “On the ancient prophecy” in the context of the ideological constructions of Russian scribes. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 644–653. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.644-653> (In Russian)

Тема нарушения особых сакральных пределов проживания каждого народа достаточно устойчиво прослеживается в древнерусской литературе. Смысловое значение этого мотива сводится к идее Божественного установления географических границ для каждого народа, нарушение которых неизбежно, рано или поздно, приведет к Божественной каре. Эта тема могла быть, отчасти, навеяна русским книжникам библейскими аллюзиями, в том числе и апокрифическими. Впервые она встречается на страницах Повести временных лет в описании междоусобной войны потомков Ярослава Мудрого [14, с. 78–79]. Мотив нарушения сакральных границ, установленных якобы разделившими всю землю по жребию сыновьями Ноя, получил распространение в литературных памятниках XIV–XV вв. [10; 11]. К примеру, в «Задонщине» победа на Куликовом поле демонстрировалась как отмщение по-

томков Иафета (русских) потомкам Сима (татарам) за вторжение 1223 г. и последующее за этим завоевание Руси [11]. Неожиданно «пограничная тема» вновь встречается в рассказе Ремезовской летописи конца XVII в. «О древнем пророчестве», где к данному сюжету добавляется новый мотив, связанный с рассуждениями на тему «сибирского взятия».

Идеологическое обоснование Москвой присоединения Сибири изучается в широком контексте внешней и внутренней политики, включая традиции управления и государственные институты допетровской России [1; 6; 23; 24; 25]. Значимым обобщающим исследованием, близким к нашей теме, является книга В. Кивельсон, посвященная первым русским географическим картам сибирских земель [8, с. 206–228]. В ней показаны рассуждения летописцев о важности распространения православия в ходе восточной экспансии и вытекающая из этого идея провиденциализма. Особое место исследовательница уделила выдающемуся ученому С.У. Ремезову (1642–1721) и его религиозно-политическим идеям. Важнейшие аспекты политико-идеологического и дипломатического обоснования присоединения новых территорий за Уралом рассмотрены в коллективной монографии «Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в.» [14]. Авторы затронули много важных вопросов, среди которых – идеологическая политика Москвы в Сибири, политико-правовое оформление русской власти на новых землях, ее дипломатическое обоснование, роль православной церкви, а также отношения с местной элитой. Данная статья, в свою очередь, не претендует на рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с политико-идеологическим обоснованием «сибирского взятия», она посвящена исследованию рассказа «О древнем пророчестве», содержащегося в Ремезовской летописи, в общем контексте русских книжных традиций.

Известно, что продвижение России за Урал было длительным процессом. В 1586 г. русским удалось относительно прочно закрепиться в Западной Сибири и основать свою первую крепость – Тюмень. Считается, что история Сибирского ханства закончилась в 1598 г. после битвы с царским войском под руководством А.М. Воейкова [16, с. 13]. Были окончательно подчинены не признавшие власть Москвы сибирские татары, а затем разгрому подверглась «Пегая Орда» — объединение коренных жителей бассейна Оби и Томи, восточный союзник бывшего Сибирского ханства. В Москве прекрасно понимали значение Сибири как источника богатства: сразу «по взятии Сибирския земли» «храбрством и мужеством» русские атаманы и воеводы от царского имени велели местным жителям платить ясак [20, с. 77]. В книге о России, изданной в 1591 г., ее автор англичанин Дж. Флетчер отметил, что русский *«царь ежегодно получает... на значительную сумму из Сибири, Печоры, Перми и иных мест меха... которые продаются или вымениваются за границу»*. Рассуждая о доходности этой торговли, он оценил *«объем царской подати в Сибири... в 466 сороках соболях, пяти сороках куниц и 180 чернобурых лисиц, не считая других произведений»* [22, с. 67].

Богатства Сибирской земли имели для России, опустошенной Смутным временем, огромное экономическое значение. В 1637 г. на волне начавшейся новой экспансии был образован Сибирский приказ, контролировавший сбор с местных народов мехового ясака [13, с. 64]. Показательно, что дела нового приказа рассматривались вместе с вопросами, касающимися работы приказа

Большого Дворца, который ведал так называемые «царские дворы» (Кормовой, Хлебный и другие) [13, с. 108]. С основанием Сибирского приказа и последовавшим затем учреждением Якутского воеводства (1638) последовала целая серия новых восточных экспедиций. В 1639 г. русский военный отряд вышел к Охотскому морю, в 1643 г. первопроходец В. Колесников достиг Байкала, а М. Стадухин – Колымы. В 1643 г. В. Поярков ступил на землю Приамурья. Через год, в 1644 г., военный отряд казаков совершил успешный поход против бурят с берегов Ангары [12, с. 53].

Экспансия России на восток сопровождалась развитием особого сибирского летописания. Оно зародилось, вероятно, еще в начале XVII в. после первых устных рассказов о подвигах дружины Ермака во время войны с ханом Кучумом [19, с. 108]. К середине столетия летописание, объединенное сибирской темой, получило самое широкое распространение, сюда входили и казачьи летописцы («устные летописи»), местное и официальное московское летописание, а также фамильная история семьи промышленников Строгановых. Самыми значительными произведениями этого направления считаются Строгановская, Есиповская, Рemezовская летописи, а также иллюстрированная Кунгурская летопись. На их страницах рассказывалось о походе Ермака и казаков, об основании первых крепостей, о местных народах и природных богатствах Сибири.

Сибирские летописи всегда подчеркивали важность завоевания обширных земель, в особенности, «Сибирского царства» Кучума. Именно разгром этого наследника Золотой Орды привел к завоеванию русскими просторов от Уральских гор до «великого моря акияна» [4, с. 311]. Покорение Сибири приравнивалось к присоединению Казани и Астрахани: не случайно в летописях употреблялся термин «сибирское взятие», отсылающий к хорошо закрепившемуся в историографии «взятию Казани». Постепенно сибирская эпопея получала свое политическое обоснование в летописном материале.

Первая заметная попытка объяснить случившееся была сделана в Есиповской летописи (1636). Из повествования на ее страницах читатель узнает, что «одоление» русскими Сибирского ханства произошло «Божиим соизволением... от руского воинства в наследие российского скипетродержательства» [3, с. 105]. Правители России направляли свои войска на Восток, где жили татары или подвластные им народы, воюя с татарами также, как и их предки – московские князья. Сибирское вторжение дружины Ермака, таким образом, было логичным продолжением старой борьбы Москвы с Ордой.

Еще один, ранний, идейный мотив сибирского летописания был связан с религиозным фактором вторжения в Сибирь. Он обрел свою значимость в описании русско-татарских столкновений еще в литературе XV в. и теперь повторился в новых исторических реалиях. Именно в распространении православия летописцы видели оправдание вторжения Ермака и последующих русских военных экспедиций. Ярким примером здесь может быть пассаж Есиповской летописи под заглавием «Благодарение Богу», полностью посвященный рассуждениям на тему того, как «солнце евангельское» осияло «землю Сибирскую» [4, с. 161].

Русские продвигались в Сибирь все дальше и дальше, и со временем религиозными мотивами и традиционным противостоянием с татарами трудно было оправдать это упорное движение «встречь солнцу». Тогда летописцы

стали избегать данной темы и ссылаться на промысел Божий. Провиденциализм играл все большую роль в объяснении событий. По данным Строгановской летописи (1668–1673), татары и подвластные им сибирские народы сами осознали, что Бог «покорил их под высокую царскую руку», оставив бесполезное сопротивление русским воинам [19, с. 91]. Но подобные мифологемы не отвечали требованиям эпохи.

В конце XVII в. в Ремезовской летописи появилось новое объяснение истории «сибирского взятия». По всей вероятности, автором ее был сибирский ученый С.У. Ремезов [3; 6; 8, с. 205]. Однако существует мнение, согласно которому вторая часть этого произведения была только включена им в книгу, но имела другого автора [1, с. 250–259]. Так или иначе, согласно этому летописному тексту успешное завоевание Сибири имело несколько причин. Прежде всего (и вполне традиционно), все произошло согласно Божественному плану, по которому русские должны были принести в эти языческие земли православную веру [17, с. 312]. Поэтому Бог наполнил казаков храбростью и внушил им мысль начать покорение очередного татарского ханства, а богатства Сибири стали своеобразным даром Бога за исполнение Его воли. Но главные причины успехов русского оружия в победе над Кучумом были более сложны. О них говорится в находящемся во второй части летописи специальном рассказе «О древнем пророчестве», отсылающем читателя к Книге пророка Исайи:

«О семь Кучюмъ збытся пророчество Исаино, и христианскимъ воиномъ Ермакомъ со единомушною дружиною в Сибири исполнися глаголь: им же образомъ рѣкохъ, тако будетъ, и еже совѣща, тако уставися; не веселитесь, вси иноплеменницы, сокруши бо ся яремъ веселящаго васъ, отъ семени бо змиина изыдутъ внучата аспидомъ, і внучата ихъ изыдутъ змия летящая, и упасутся нищии Господемъ, и убозии человекъцы в мире починуть; потребитъ Господь гладомъ семя твое, аспиде, и останокъ твой, възрыдають врата градовъ, і возмутъ гради тверди иноплеменскихъ всехъ, яко дымъ отъ севера грядеть, и несть пребывати в числехъ его. И се завѣщание скончается на Туркахъ в совершенство» [17, с. 354].

Ниже мы предлагаем изложение данного текста:

«На Кучуме сбылось пророчество Исайи, и христианского воина Ермака с единомушной дружиной исполнися глагол: им же образно говорилось, так будет, так завещано и таков закон; не веселятся все иноплеменники, сокрушено будет основание веселящее вас, от семени змеиноного рождаются внучата аспидов, и внучата их превратятся в змея летящего и спасутся нищие Духом, и убогие люди в мире пребудут; напустит Господь голод на семя твое, аспид, и на потомков твоих, възрыдают врата городов и возьмут все крепкие грады иноплеменников, как дым от севера грядет, и нет окончания ему. И это пророчество сбудется до конца на турках».

Хотя текст довольно сбивчив, современникам была вполне понятна его суть, поскольку он отсылает читателя к истории войны филистимлян и евреев, содержащейся в Книге пророка Исайи (Ис. 14:29–31). Данный библейский сюжет исходит из того, что Бог определил каждому из этих народов земли для постоянного проживания. Но гордые филистимляне захватили страну своих соседей. Прошло время, и евреи отомстили обидчикам, одолев их на поле боя. В этой отсылке мы видим традиционный для русской литературы

мотив возмездия за нарушение установленных Богом границ. Однако данный библейский сюжет послужил основой и для новой идеи. Победив филистимлян, евреи решили, что следует подчинить своей власти все их территории, «ибо из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон» (Ис. 14:29) [17, с. 354]. Иными словами, если бы евреи не покорили земли филистимлян, то те снова и снова нападали бы на Израильское царство. Божественный закон расселения народов в однажды установленных пределах не был нарушен, ведь сам Бог устами пророка Исая повелел занимать владения враждебных соседей, нарушителей границ, не дожидаясь новой опасности. Следовательно, точно по такому же принципу Россия завоевала сибирские земли, стремясь не допустить второго монгольского нашествия, дабы на этих просторах не зародился очередной «змей летящий».

В своих рассуждениях автор рассказа «О древнем пророчестве» находился в традициях русской литературы, и его новое видение событий «сибирского взятия» не выходило за рамки исторического провиденциализма, столь характерного для памятников средневековой книжности, хотя и являлось более оригинальным. Русское покорение сибирских народов, в его понимании, проходило в рамках установленного Богом закона, связанного с неизбежным завоеванием русским воинством той земли, откуда исходила постоянная угроза православному царству. Об этом законе поведал библейский пророк Исая.

Интересно, что от покорения Сибирского ханства летописец обращает свой взор на Юг – к Османской империи, видя также и в этом государстве наследника древних кочевых орд. Продолжая развивать пророческую тематику (Ис. 14:30–31), автор уверяет, что именно о расширении границ России предсказано пророком: с севера «яко дым» придет народ и «возмутъ гради тверди иноплеменные» и «се завѣщание скончается на Туркахъ». *«Не веселитесь, вси иноплеменницы, сокруши бо ся яремь веселящаго васъ»* (не веселятся все иноплеменники, сокрушено будет основание, веселящее вас), – заявляет автор, перефразируя текст Книги пророка Исая [17, с. 354]. Идея объединения всех народов Востока в одну общую группу была характерна для русской литературы. Еще в Повести временных лет все восточные народы отнесены к потомкам старшего сына Ноя Сима. Татары и турки представлены как один народ в известной книге А.И. Лызлова «Скифская история» (1692) [9]. Автор использует это обстоятельство как политический аргумент в пользу оправдания войны России с Османской империей. Под его пером противостояние с турками выглядит на историческом фоне логичным продолжением борьбы Московского княжества с Золотой Ордой и ее наследниками – Казанским и Астраханским ханствами. Однако покорение Сибири создатель «Скифской истории» вовсе не считал частью этой общей борьбы.

Возвращаясь к идеям летописного рассказа «О древнем пророчестве», обратим внимание на содержащуюся в его тексте отсылку к истории вторжения Ермака в Сибирь (*«и христианского война Ермака с единомушной дружиной исполнися глагол»*). Получается, что легендарный атаман предвидел успех русского оружия и будущую Божественную поддержку России в покорении враждебных «иноплеменников». В обращении автора рассказа к истории Ермака можно увидеть прочно сложившуюся к концу XVII в. особую «сибирскую идентичность»: для местных книжников Сибирь была главней-

шей частью мировой истории, и вторжение казаков в эти земли получало прямо-таки вселенское значение и масштаб. Эта мистическая христианская сибирская идентичность особенно наглядно проявилась в представлениях С.У. Ремезова [18, с. 7–23].

Таким образом, рассказ «О древнем пророчестве» Ремезовской летописи содержал оригинальные рассуждения на тему покорения Сибири. Используя текст из 14 главы Книги Пророка Исаяи (Ис. 14:29–31), автор обращался к идее неизбежного отмщения татарам за давнее нарушение границ Руси. Развивая эту мысль, он оправдывал завоевание тем, что необходимо было предотвратить новое монгольское нашествие, подобно тому, как это сделали евреи, покорившие земли филистимлян. Конечно, важное место в его построениях занимал Божественный промысел, связанный с необходимостью распространения православия в сибирской земле, «идоложертвием омраченной» [17, с. 355].

К сожалению, мы не имеем конкретных сведений о степени распространенности Ремезовской летописи и содержащихся в ней идей среди русских книжников своего времени. Тем не менее, следует учитывать общую популярность сибирского летописания, содержащего увлекательные военные сюжеты, описания природных богатств и коренных народов обширной Сибири. Так или иначе, выдающееся историко-литературное произведение XVII в., связанное с именем С.У. Ремезова, было частью древнерусского литературного пространства с общими идейно-содержательными традициями и религиозными аллюзиями. Именно поэтому идеи, зародившиеся в XII в. на берегах Днепра, получившие развитие на московской почве в междуречье Оки и Волги в XIV–XV вв., неожиданно проявились вместе с развитием Российского государства на широких сибирских просторах Тобола и Иртыша. Здесь к старым рассуждениям на тему отмщения кочевникам за нарушение границ Русской земли, установленных Божественным законом, добавилась новая мысль о необходимости раз и навсегда перевернуть страницу истории противостояния Руси и Степи, предотвратив появление нового «змея летящего» завоеванием всех восточных земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М., Л.: Академия наук СССР, 1960. 280 с.
2. Васильев В.Е. Запад и Восток в евразийской политике России XVI–XVIII веках: к проблеме присоединения Ленского края // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 1 (6). С. 9–13.
3. Дергачева-Скоп Е.И. С.У. Ремезов – сибирский просветитель конца XVII в. // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. / Ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. С. 95–106.
4. Есиповская летопись по Головинскому списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 307–311.
5. Есиповская летопись по Сычовскому списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 105–170.
6. Зиборов В. К. Ремезов Семен Ульянович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. С. 195–196.

7. Зуев А.С. Присоединение Сибири Россией: ордынское наследие и исторические реалии // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 92–104;
8. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
9. Лызлов А.И. Скифская история. Ответственный редактор Е.В. Чистякова; подготовка текста. Комментарии и аннотированный список имен А.П. Богданов. М.: Наука, 1990. 518 с.
10. Ляпин Д.А. Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра» // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. Отв. ред. Е.Л. Коняевская, Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2021. С. 340–345.
11. Ляпин Д.А. Потомки Иафета: сакральное пограничье и мотив отмщения в «Задонщине» // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 74–84.
12. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. 143 с.
13. Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV – XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2005. 137 с.
14. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-ое. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
15. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
16. Пчелов Е.В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского Государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 13–22.
17. Рemezovская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 312–366.
18. Смит-Питер С. С.У. Рemezov и сибирская идентичность в конце XVII – начале XVIII в. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 7–23
19. Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания: источниковедческие очерки. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского педагогического института, 2005. 108 с.
20. Строгановская летопись в сокращении по Афанасьевскому списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 97–105.
21. Строгановская летопись по Толстовскому списку Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 47–96.
22. Флетчер Дж. О государстве Русском. М.: Захаров, 2002. 168 с.
23. Чернышев С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идеи и Идеалы. 2018. № 4 (28). Т. 2. С. 139–159.
24. Чернышов С.А. Эволюция дискурсов о покорении Сибири в локальной исторической памяти // Золотоордынское обозрение. 2023. № 11 (1). С. 167–180. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180>
25. Шерстова Л.И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. №. 365. С. 93–98.

REFERENCES

1. Andreev A.I. *Essays on source studies of Siberia*. Iss. 1. 17th century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 280 p.

2. Vasiliev V.E. West and East in the Eurasian politics of Russia in the 16th–18th centuries: to the problem of annexing the Lena region. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. No. 1 (6), 2013, pp. 9–13. (In Russian)
3. Dergacheva-Skop E.I. S.U. Remezov - Siberian educator of the late 17th century. *Ocherki russkoy literatury Sibiri*. Vol. 1. Ed. A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1982, pp. 95–106. (In Russian)
4. Esipov Chronicle according to the Golovinsky list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 307–311. (In Russian)
5. Esipov Chronicle according to the Sychovo list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 105–170. (In Russian)
6. Ziborov V.K. Remezov Semyon Ulyanovich. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Vol. 3 (17th century), Part 3. St. Petersburg: Izdatel'stvo Dmitry Bulanin, 1998, pp. 195–196. (In Russian)
7. Zuev A.S. Annexation of Siberia by Russia: Horde heritage and historical realities. *Territory Development*. No. 1, 2015, pp. 92–104. (In Russian)
8. Kivelson V. Cartography of the kingdom: Earth and its significance in Russia in the 17th century. Moscow: New Literary Observer, 2012. 360 p. (In Russian)
9. Lyzlov A.I. Scythian history. Executive editor E.V. Chistyakova; text preparation. Comments and annotated list of names of A.P. Bogdanov. Moscow: Nauka, 1990. 518 p. (In Russian)
10. Lyapin D.A. The motive for violating boundaries in “The Life of the Blessed and Grand Duke Alexander”. *Alexander Nevsky: personality, era, historical memory. To the 800th anniversary of his birth. Proceedings of the international conference (May 25–27, 2021, Moscow, Russia)*. By Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Rep. ed. E.L. Konyavskaya, L.A. Belyaev. Moscow: Indrik, 2021, pp. 340–345. (In Russian)
11. Lyapin D.A. Descendants of Japheth: sacred borderland and the motive of revenge in “Zadonschchina”. *Paleorossia. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideiyakh*. No. 1 (11), 2019, pp. 74–84. (In Russian)
12. Nikitin N.I. Development of Siberia in the 17th century. Moscow: Prosvescheniye, 1990. 143 p. (In Russian)
13. Petrov K.V. *Order management system in Russia at the end of the 15th – 17th centuries*. Moscow-St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2006. 137 p. (In Russian)
14. The Tale of Bygone Years according to the Laurentian Chronicle of 1377. Prep. text, translation, articles and comments by D.S. Likhacheva. Ed. V.P. Adrianova-Peretz. Ed. 2. St. Petersburg: Nauka, 1996. 668 p. (In Russian)
15. Under the Shadow of the Double-Headed Eagle: Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State in the Late 16th – Early 18th Centuries. By A.S. Zuev, P.S. Ignatkin, V.A. Slugina. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2017. 444 p. (In Russian)
16. Pchelov E.V. Symbols of the Siberian Kingdom. *News of the Ural State University*. Series 2. Humanities. No. 4 (66), 2009, pp. 13–22. (In Russian)
17. Remezov Chronicle according to Mirovich's list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 312–366. (In Russian)
18. Smith-Peter S.S. U. Remezov and Siberian identity in the late 17th – early 18th centuries. *Siberian historical studies*. No. 3, 2014, pp. 7–23. (In Russian)
19. Solodkin Ya.G. The origins of Siberian chronicles: source studies essays. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovsk State University, 2006. 108 p. (In Russian)
20. The Stroganov Chronicle, abbreviated according to the Afanasyevsky list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 97–105. (In Russian)
21. Stroganov Chronicle according to Tolstoy's list *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 47–96. (In Russian)

22. Flechter J. About the Russian State. Moscow: Zakharov, 2002. 168 p. (In Russian)
23. Chernyshev S.A. Turkic political traditions in the system of organizing power of the Russian state and the Siberian Khanate as a factor in their successful integration in the 16th-17th centuries. *Ideas and Ideals*. 2018, vol. 2, no. 4 (28), pp. 139–159. (In Russian)
24. Chernyshov S.A. The evolution of discourses about the conquest of Siberia in local historical memory. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 167–180. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180> (In Russian)
25. Sherstova L.I. Aboriginal politics of the Muscovite kingdom in Siberia: the problem of synthesis of socio-political institutions in the 17th century. *Bulletin of Tomsk State University*. 2012, no. 365, pp. 93–98. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Александрович Ляпин – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторической антропологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis A. Lyapin – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); Leading Research Fellow of the Research Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod State National Research University (85, Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: lyapindenis@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 26.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 20.08.2024

Принята к публикации / Accepted 3.09.2024